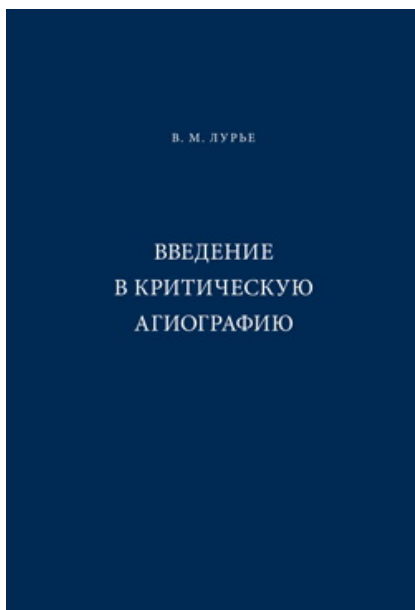

Лурье В.М. Введение в критическую агиографию.
СПб.: Axioma, 2009. 238 с.

ISBN 978-5-90141-069-1

Самое современное исследование, посвященное общим вопросам критической агиографии, подготовлено В.М.Лурье. Автор подытоживает общий взгляд на происхождение и методы агиографического исследования.

В первой главе дается почти четырехсотлетний обзор различных направлений в исследовании житийного материала, которыми оперировала критическая агиография. Дается литература и подробно разбирается каждый период развития: "алхимический" или филологический, когда житийная литература изучалась преимущественно филологами. Впервые житийная литература начала из-

даваться голландским иезуитом Херибертом Розвейде (Heribert Rosweyde, 1569–1629). Вдохновившись его работой, кардинал Роберт Беллармин (Roberto Bellarmino, 1542–1621) издал первую книгу, посвященную агиографическому своду рукописей – *Vitae Patrum* (1615). Представитель следующего поколения Иоанн Болланд (Bollandus, 1596–1665) начал издание *Acta Sanctorum* (с 1643 г.), и его работа была продолжена Обществом болландистов внутри ордена иезуитов.

Следующий период, выделяемый автором, – "химический", который начинается с работ немецкого протестанта Германа Узенера (Hermann Carl Usener, 1834–1905). Он фактически положил начало "критической агиографии", выделив из общего массива филологических текстов науку о смыслах агиографических легенд. Специфика концепции Узенера – восприятие житий как легенд, которые он анализировал как обыкновенные языческие мифы и делал выводы о сходстве соответствующих языческих и христианских культов. Однако критическую агиографию как самостоятельную школу создал Импполит Делез (Hippolyte Delehayе, 1859–1941), который выработал иную классификацию агиографического материала, опровергая тезис школы Узенера о родстве между христианскими житиями и мифами. Он выделил особый тип житий – *Passions épiques* и *Passions historiques*, то есть мученичество как христианский аналог мифа (сказки), повествующий о некоем формативном периоде христианства соответствующего региона, и мученичество, имеющее историческую фиксацию.

Последующие исследователи (например, Поль Петерс (Paul Peeters, 1870–1950), Жерар Гаритт (Gerard Garitte, 1914–1990), Френсис Томсон и Бернар Флюзен) уже работают с текстом как источником особого типа, определяя его агиографический "жанр", появляются сравнительные исследования, выделяется историческое содержание.

Во второй главе автор подробно останавливается на таких понятиях, как "агиографический язык" и "агиографический текст". Агиографической легендой (документом) является всякий документ, созданный и/или распространяемый вследствие и/или для распространения соответствующего культа, при этом текст отдельной рукописи агиографическим документом не является, если над ним не проведена сравнительная и критическая работа. Агиографическая литература подразделяется на несколько типов: по предмету почитания (о святых, о мощах и реликвиях, о святителях), по сюжету (жития, "чудеса", повествования о мощах, иконах и других реликвиях, идеологические тексты на освящение храма и др., календари). Автор делает вывод, что агиографические произ-

ведения отличаются от обычных (светских), существуют в рамках культа и в целях этого культа, а также используют его язык и символы. Последнее направление современных исследований – выделение "агиографического субстрата", т.е. особого информационного кода для трансляции определенного смысла конкретного культа, при этом исторические факты не являются для агиографии приоритетными. Таким образом, агиографическая легенда строится на основе христианской традиции в том виде, который она имеет во время и в месте возникновения культа. На текст оказывают влияние и светские традиции того общества, к которому обращена сама легенда. Изучение "агиографического субстрата" позволяет исследователю идентифицировать этнокультурную среду, в которой возникла легенда.

Третья глава книги посвящена изучению геометрии агиографического пространства и установлению "агиографических координат". Обычно текст стремится сохранить обозначения особого места (например, где лежат мощи мученика) или центра культа, а также времени, чтобы определить день почитания в церковном календаре. Агиографический документ создается в принципиально иных координатах, чем летописный, поэтому при его изучении нельзя считать правдоподобными все описываемые эпизоды и пытаться структурировать как исторический документ. Так, внутреннее время в документе может даваться с совершенно разными целями: день преставления святого мог фиксироваться в устной традиции, а мог и выбираться из удобной даты церковного календаря (очень важная дата – Рождество Христово, вокруг которой наблюдается скопление памятней святых). Память святого могла быть установлена в день его тезоименитства, память чудес или перенесение мощей обычно соотносится со значимыми церковными праздниками, праздники культовых объектов устанавливаются в дни праздников тех, которым они посвящены. Такая же особенность свойственна и геометрическим координатам: у культа может быть одна координата места (например, отмеченная мартирием) или несколько (например, в виде транспортной сети, отмеченной узловыми пунктами). Координата места может даваться и абстрактно ("пустыня"), но соотноситься с реальными географическими координатами (крупными городами).

Четвертая глава посвящена дискретности агиографической Вселенной. Культ в естественной реальности использует только те элементы, которые являются для него каким-то образом значимыми. Дискретность и прерывистость естественного пространства, включенного в культовую реальность, можно хорошо различить в пространственных построениях иконы (предложено Б.В.Райшенбахом, 1915–2001). Автор вводит математическую систему "графов" для описания пространства повествования. Например, при описании паломничества, которое может существовать только в воображении агиографа, ставится изначальная точка (начало пути) как вершина графа, дающая ориентир, а потом путешествие продолжается по виртуальному пространству, в котором прокладывается путь.

В пятой главе рассматривается церковный календарь как матрица агиографии и богослужения. Рассматриваются тип документа, истоки происхождения, особенности развития; проводятся сравнительный анализ главных ветхозаветных праздников и их соотношение с датами церковного календаря. Делается вывод, что изменение наиболее торжественных дат происходит намного медленнее, т.к. они являются более архаичными. Также приводятся сравнительные данные по другим календарям, например, календарь несториан, традиционный календарь Исландии.

Геометрия апокалиптической Вселенной изучается в шестой главе. В литературе такого рода присутствуют два пространства – космологическое, определяющее устройство небес, и земное, повествующее об истории на земле. Между этими двумя пространствами существует посредник – медиатор или очевидец, который является автором откровения.

Устройство небес описывается как пространственное, то есть медиатор по нему перемещается, при этом в "земной" системе координат он движется во времени, обозревая всю земную историю, но не движется в пространстве. Но в тоже время медиатор неподвижен во времени в "небесной" системе. Понятию времени не только свойственна циклическая структура, историческое время имеет конечность замкнутого цикла и лишено повторяемости. Еще одна особенность христианского времени - оно относится только к материальному (тварному) миру, потому что Бог вечен, а время "небесное" лишено признаков разрушения или тлена. Также литургические циклы представляют собой совокупность циклов времени разного диаметра (сутки, неделя, седмица недель, год и пр.). Таким образом, структура времени представляет собой циклическую структуру, движущуюся линейно, которая определяет многомерность взаимоотношений времени и пространства, земного и небесного. Автором представляется математическая и геометрическая модель этих взаимосвязей.

В седьмой главе прослежен процесс распада иудейской апокалиптической традиции в христианской среде. Структура исторических апокалипсисов представляется однотипной: медиатор получает откровение о будущем, однако его рассказ начинается с хорошо известных современникам событий, потом наступает определенный момент, когда предсказанные события перестают быть "узнаваемыми". Автором делается интересное замечание, что по мере развития христианства (примерно с начала IV в. н.э.) из пророчеств исчезает космогоническая составляющая, то есть "небесное время" как бы исчезает и превращается в эпическую агиографию. Таким образом, если земная история для медиатора, путешествующего по небесам, виделась от начала до конца, то в последующем все главные русские богатыри должны были жить во время эпического князя Владимира Красно Солнышко, ранневизантийские мученики погибали в четыре основных периода гонений: Нерона (апостолы), Траяна или Адриана (равноапостольные фигуры), Декия или Диоклетиана (все остальные).

Таким образом, автор делает подробный разбор употребляемых в житиях символов и делает вывод о том, что христианская агиография является прямым и органичным продолжением иудео-христианской апокалиптики. В ней воспроизводятся космологические концепции, заимствованные из воззрений, типичных для греческой цивилизации. Геометрическим свойством материала, связанного с "вселенским" значением, является пересечение двух ее половин – земной и небесной, а время определяется структурой литургического календаря, который является общей матрицей, регулирующей культовые взаимоотношения в рамках богослужебного года. Координаты такого времени служат двум целям: закреплению данного культа на матрице литургического календаря и/или закреплению структурных точек самого литургического календаря. Координаты пространства формируют на земле структуру "сакральной географии", а ее сочетание с календарем превращает культ в средство структуризации среды человеческого обитания, пространства и времени.

Ю.Родионова, студентка Кафедры истории Церкви